

Отчет о результатах исследования жертв и правонарушителей, в отношении которых были проведены программы восстановительного правосудия в ОЦСПР (г. Москва)

Заказчик – ОЦСПР, г. Москва.

Исполнитель – Китаева М.П.

Программа исследования

Цель

Оценить существующую в ОЦСПР работу с потерпевшими и несовершеннолетними правонарушителями в программах восстановительного правосудия в соотношении с основными принципами восстановительного правосудия.

Эмпирический объект

Несовершеннолетние правонарушители и потерпевшие, в отношении которых были реализованы программы восстановительного правосудия. Всего 12 респондентов: 5 потерпевших (3 юноши и 2 девушки) и 7 несовершеннолетних правонарушителей (6 юношей и 1 девушка); рассматриваемые уголовные дела – грабеж, хулиганство, кража.

Предмет

Изменение представления о себе и другой стороне криминального конфликта в программе восстановительного правосудия.

Методики

1. телефонное интервью с участниками программы восстановительного правосудия (потерпевшие и несовершеннолетние правонарушители);
2. контент-анализ результатов интервью.

Процедура исследования

1. Проведение интервью с несовершеннолетними правонарушителями и пострадавшими – участниками программы восстановительного правосудия;
2. Обработка полученных данных методом контент-анализа;
3. Интерпретация результатов.

Результаты исследования

Интервью с жертвой

Таблица 1. Результаты контент-анализа интервью с жертвами правонарушений

№	Категория	Число ответов
1	Удовлетворенность результатом программы	Удовлетворен – 2, частично удовлетворен – 1, не удовлетворен – 2.
2	Справедливость результата программы	Справедлив – 3, не справедлив – 2.
3	Удовлетворенность процессом программы	Удовлетворен – 3, не удовлетворен – 2.
4	Отношение к правонарушителю после программы	Изменилось в лучшую сторону – 3, не изменилось – 2, изменилось в худшую сторону – 0.
5	Отношение к себе после программы	Изменилось в лучшую сторону – 2, не изменилось – 3, изменилось в худшую сторону – 0.
6	Психологическое исцеление жертвы	Исцелен - 2, частично исцелен – 1, не исцелен - 2.
7	Причина психологического исцеления	Программа – 3, другое – 0.

Респонденты отмечают, что ожидают от программы эмоционального восстановления («успокоиться», «чтобы не тряпать себе нервы», избавление от «страха мести») и восстановления отношений с правонарушителем и социальным окружением («наладить отношения», «Это была единственная возможность встретиться вне класса, с тремя одноклассниками. В школе говорили. Плохо относились после инцидента. Считали, что стукач»). Ожидания оправдались полностью в двух случаях, частично – в одном случае из 5: «Поняли, что я не виноват. Попросили извинения» (претензии к жертве за предполагаемое заявление в милицию), «Единственное, чем помогли, – мы смогли встретиться. Сами бы мы не встретились. Так бы и осталась недоговоренность». Ожидания не оправдались в оставшихся двух случаях: «Нет, не смогли загладить причиненный вред», «Если бы не подписала договор, было бы хуже. Настояли родители».

Справедливым считают полученный в программе результат 3 респондента из пяти. Две жертвы говорят о несправедливости достигнутого: «Справедливым не был (результат – М.К.). Справедливо было бы, если они понесли наказание».

Об удовлетворенности процессом восстановительного правосудия на встречах: удовлетворены трое, не удовлетворены – двое. Но и удовлетворенные этим аспектом программы респонденты отмечают некоторые недостатки: «Не понравилось, как ведущий начал программу. Он позволил трем обидчикам с их родителями (было три матери и один отец) наброситься на меня. Родители реагировали неадекватно, эмоционально. Нападки: «Почему Вы заявили в милицию!?!». Говорили: стукач, зачем это сделал. Ведущий не сумел контролировать. Хотя, может быть, он давал возможность выгово-

риться, выплеснуть эмоции. Хотя я пострадавшая сторона. Понес ущерб здоровью. Ведущий должен был бы сформулировать вопросы, тему беседы, что он не сделал... Три человека, агрессивно настроенные против одного». Было мнение, что «не решить проблему таким образом», то есть с использованием существующей программы восстановительного правосудия.

В трех интервью респонденты сообщили, что их отношение к правонарушителю изменилось в лучшую сторону: «Наладили отношения», «Простила», «Сейчас нормальные отношения с теми одноклассниками». Два респондента ответили, что их отношение к правонарушителю осталось тем же, каким оно стало после ситуации правонарушения и было до программы восстановительного правосудия. Никто не сказал об изменении представления о правонарушителе в худшую сторону.

Об отношении к себе: изменилось к лучшему у трех жертв, не изменилось – у двух, нет респондентов с изменением представления о себе в худшую сторону.

О психологическом исцелении. Здесь мы, прежде всего, имеем в виду восстановление эмоционального состояния, которое было у респондента до ситуации правонарушения, а также повышение самооценки, самоуверенности и снижение уровня тревожности, оцениваемые субъективно самими жертвами. Мы получили следующие результаты: исцеленными себя считают 2 респондента, частично исцеленными – 1, не исцеленными – 2. Все респонденты, ответившие, что их психическое состояние позволяет говорить о психологическом исцелении, связывают эти изменения с участием в программе. Респонденты, сообщившие об отсутствии психологического исцеления, полагают, что «встречи полезны только правонарушителям», «встречу надо проводить раньше, после инцидента. Спустя два месяца – это уже слишком поздно. Все уже запущено: стресс, тяжелое эмоциональное состояние», «после программы может быть хуже, потерпевшие могут жалеть, что подписали договор».

На вопрос о том, при каких условиях возможно достижение лучшего результата в программе восстановительного правосудия, респонденты ответили следующее: «Все в программе хорошо, все устраивает. Только встречу надо проводить раньше, после инцидента. Спустя два месяца – это уже слишком поздно. Все уже запущено: стресс, тяжелое эмоциональное состояние. Если встречи проводятся в других странах, то они полезны. Но в нашем случае пользы мало», «Сначала должен выступить ведущий. Должен гасить эмоции. Эмоции можно выплыть и на улице, а тут люди пришли договариваться. Должен объяснить, зачем пришли, настроить на примирение. Как в тренинге. Сказать: «Вы пришли примириться», ведущий должен быть «лидером». Должен вести, чтобы не накалялись страсти. Выговориться, заводиться, – здесь это не нужно. Примирение. Люди согласились на встречу. Думали о ней. Здесь они говорят свои мысли», «Конечно, хорошо бы использовать тихую приятную музыку, мягкую мебель для комфорта. Но я ведь понимаю, Ваша организация небогата. Не может себе этого позволить. Вы и так стараетесь...»

Интервью с несовершеннолетним правонарушителем

Таблица 2. Результаты контент-анализа интервью с правонарушителями

№	Категория	Число ответов
1	Удовлетворенность результатом программы	Удовлетворен – 5, не удовлетворен – 2.
2	Справедливость результата программы	Справедлив – 5, не справедлив – 2.
3	Удовлетворенность процессом программы	Удовлетворен – 5, не удовлетворен – 2.
4	Отношение к жертве после программы	Изменилось в лучшую сторону - 4, не изменилось - 3, изменилось в худшую сторону – 0.
5	Отношение к себе после программы	Изменилось в лучшую сторону - 1, не изменилось - 6, изменилось в худшую сторону – 0.
6	Ответственность правонарушителя	Есть ответственная позиция - 4, Нет ответственной позиции – 3.
7	Рецидивы	Нет рецидива – 7, есть рецидив – 0.
8	Причина отсутствия рецидива	Программа - 1, и программа, и другое - 3, другое – 3.

Контент-анализ текстов интервью с правонарушителями показал, что они соглашаются на программу, ожидая достичь с ее помощью некоторых целей. Во-первых, извиниться. Во-вторых, смягчить наказание: «Получить ходатайство, чтобы дело замяли», «Чтобы не арестовали меня, наверное. И помогло это, к моему удивлению...», «не виновен. Согласился на программу, потому что мы решили (с матерью – М.К.), что это единственное, что нам может помочь. Все было на стороне пострадавших: у них деньги, «из грязи в князья». А мы наоборот...». В-третьих, изменить представление жертвы о себе в лучшую сторону и облегчить собственное эмоциональное состояние: «Просто я знал, что как он (жертва – М.К.), так и его мама, его родители прямо считали меня за такого страшного преступника и, в первую очередь, я хотел, чтобы они здесь поняли обратное. Вот, что они, в принципе, и поняли. И, чтобы вообще, как-то на душе полегче стало, чтобы... Случилось такое, и мы еще потом друг друга не видели, как бы. Дело все затянулось аж до суда. И получается, эта программа нам помогла вот эти все факты сопоставить, что я показал себя перед его мамой, что не так все на самом деле. И, в принципе, вот Ваша программа и сработала. То есть мы, получается, примирились». В-четвертых, примириться, восстановить

снаружиенные криминальной ситуацией отношения. Один респондент продемонстрировал отсутствие осознанного отношения к программе и отсутствие понимаемой ее необходимости для него: «никаких ожиданий, просто надо...». Другой, отметив ожидания от программы, сказал: «У меня самого появилась идея – примириться», то есть он воспринимает программу как способ реализации поставленной самостоятельно перед собой задачи. Как мы видим из предыдущих примеров, респонденты сами говорят о реализованности собственных ожиданий от программы. В итоге, пять правонарушителей ответили, что результат программы восстановительного правосудия их полностью удовлетворяет: «Я остался на свободе. Помогли люди и я остался на свободе»; «Понравилось, что мы встретились». Два респондента заявили о неудовлетворительности результатов программы в их случае: «Все было очень болезненно. И болезненно до сих пор».

Справедливым считают результат программы 5 респондентов. Они следующим образом понимают справедливость: «Справедливость, что меня осудили, дали срок. Это справедливо. Если я что-то сделал, то должен искупить свою вину. Так же с тюрьмой... Для потерпевшего – возмещение ущерба. Тогда будет справедливо. Но есть такие люди – сажайте и все, он должен сидеть. Ты смотришь ему в глаза и думаешь про себя: ты, вообще, что говоришь-то...», «Каждый получил то, что заслуживал. Потому все правильно получилось». Результат не является справедливым для двух респондентов.

Удовлетворенность процессом программы восстановительного правосудия отмечают 5 респондентов. Причем связывают ее, прежде всего, с работой ведущего, говоря о нем следующее: «Вежливо, не грубил, пытался задобрить, договориться. Плохого ничего не было», «Здесь все хорошо было. Она сама отошла от разговора и конкретно нас отправила на вот это общение. Вот это правильно». Или с отсутствием негативных переживаний: «С девчонками посидели, о чем-то поговорили... Ничего особенного и не было. Мне это не особенно запомнилось. Потому что ничего не произошло». Два правонарушителя считают, что процесс работы на программе не был удовлетворительным.

Говоря о криминальной ситуации и ее последствиях, правонарушители отмечают, прежде всего, собственный моральный ущерб: «Большая эмоциональная травма: суд, избиение, у пострадавших все куплены...», «Ну, во-первых, в том, что вот это резкое изменение отношений к тебе, когда ты попадаешь в милиционскую машину. Ты еще не понимаешь... В другой мир как будто попал. Никогда там не был... И вот именно в этом и заключается тот моральный ущерб, что сидишь за решеткой там, в камере. Естественно, это наносит моральный ущерб, потому что это незабываемо. А также причиняешь боль человеку... И какие-то эти обрывки до этого случая также запоминаются и ты вспоминаешь это не с положительной стороны, а с отрицательной. Значит, это опять же вредит так называемому моральному здоровью... То есть я их вспоминаю не из-за того, что их хотел вспомнить, то есть не из-за того, что это приятные какие-то моменты, из-за того, что, наоборот, эти неприятные моменты вспоминаешь и думаешь: «вот никогда не надо так больше делать, а то опять все это повторится». Вот именно в этом и заключается отрицательная сторона». В связи с этим выражают «сожаление о совершенном».

Представление о жертве изменилось в лучшую сторону у 4 респондентов: «Подружились», «Мнение изменилось, так как мы познакомились», «Лучше узнал. Понял, что нормальный человек». Изменения связывают с тем, что увидели в жертве человека, а не абстрактного «потерпевшего», и почувствовали с его стороны к себе «человеческое» отношение: «(когда в потерпевшем видишь человека? – М.К.) По показаниям, наверное, и по встречам, наверное. Да, по этим встречам. Вот мне Н. показалась очень хорошим человеком. Она сказала – нам от тебя ничего не нужно. Отдай ущерб и все. Даже они предлагали идти к ним. В дворники. Сказали – мы не хотим тебя сажать. Нам это не надо. Только ты отвечаешь за то, что сделал. Даже на суде она сказала – мы не хотим, чтобы он сел, он совершил, нам нужен только ущерб и все. Вот так вот. Я удивился. Вот это, на самом деле и есть человеческое отношение. Когда человек к тебе не задним местом, а лицом. А некоторые вот, например: своровал – должен сидеть в тюрьме. А с какой он это целью сделал, почему...». И другой пример, в котором акцент ставится на равенстве жертвы и правонарушителя, ощущение которого появляется на программе: «Сначала я себя властно чувствовал, во время совершения. Понял, что сильнее. То, се... А после примирения там уже стало понятно, что, как бы... Тут уже физический критерий отпал и получилось мы уже наравне как бы. То есть эта программа помогла приправить друг другу, уравнять всех, сидящих вот в этой аудитории. Он тоже стал посмелее, потому что понял, зачем сюда пришел. Что пришел тоже и примириться, поучиться чему... Что надо в дальнейшем делать, что не надо. И я, и он изменились, получается, в лучшую сторону... Тут шел разговор уже на равных. А там, на улице, мы и не говорили. А здесь уже начали друг друга узнавать и что кто как из себя представляет». Программе приписывается и эффект понимания того, что другому принес боль, вред, эффект децентрации, умения поставить себя на место другого, обиженнего тобой: «Оно (ощущение, что другому сделал что-то плохое – М.К.) возникает не сразу. Сначала оно возникает, когда ты сидишь в так называемом заключении. И ты даже не то, чтобы о нем думаешь, а о том, что зря я его вообще встретил и зря я к нему подошел. А уже начинаешь думать о нем либо вот здесь... Да, наверное, вот с этого, кстати, и начинается!!! А так, если бы не эта программа, то я бы с ним встретился на суде. Следовательно, мы бы не договорились, не примирились бы, и, вообще, не знали бы друг о друге. Хоп... И все разошлись. А поэтому здесь начинается это общение и становится того парня жалко, в общем-то. Что вот так вот с ним произошло... Потом начинаешь ставить себя на его место. И сразу начинаешь его понимать». Не изменилось представление о жертве в трех из семи случаях.

Если рассматривать отношение правонарушителя к себе, то почти все респонденты (6 из 7) сообщают о сохранности, неизменности этого отношения. И один правонарушитель отметил, что его представление о себе изменилось в лучшую сторону.

О том, что осознали ответственность за правонарушение, сообщили 4 респондента, подтвердив это некоторыми своими размышлениями на тему ответственности и вины. Три правонарушителя никак не проявили ответственного отношения к совершенному ими.

Признавшие свою ответственность говорят, что она формируется только после заключения под стражу, после общения с сотрудниками правоохранительных органов и знакомства с судебной системой: «Знал, что виноват. Когда в милиции сидел. Думал о том, что совершил в нетрезвом виде...», «Когда человек совершает преступление в надежде выгодить. Например, тот же алюминий. Сорвал с козырька, пошел, продал. И у тебя деньги есть. И на пиво, и на водку, и на цветы девчонке. Это хорошо. И вины никакой нет. Потом врут... А вина бывает, когда суд. Тогда уже первые клетки проявляются максимально. Особенно, когда последнее слово. Особенно, когда приговор. Все запутано. Какие-то статьи. Я ведь не

понимаю. Вот когда мне в первый раз дали – статья 73. Это условный срок. А я ведь не знаю, что это такое, статья 73. Статья третья, вторая что-ли... То-то-то... На два года лишения свободы. На оленях утром ранним... На два года лишения свободы с отсрочкой условно. Так все запутано. Вообще, кошмар. Ты стоишь красный. В голове все вот так вот... На первом суде чуть сознание не потерял... Вина возникает тогда, когда видишь в потерпевшем что-то человеческое. Какой-то синтонный настрой. Что от тебя ему ничего не нужно, что, может, поживешь и так ».

Все респонденты говорят, что не совершали повторных правонарушений после программы. Причиной подобного законопослушного поведения они считают изменения, вызванные программой восстановительного правосудия (1 респондент), и программой, и чем-то другим (3 респондента), чем-то другим (3 респондента). Те, кто видят источник благоприятных изменений в программе восстановительного правосудия, сообщают следующее: «Понял, что так делать не надо. Люди пострадали. Раньше тоже это знал... Программа помогла это почувствовать», «Если человек чем-то займется, то маловероятно, что он что-то совершил... Если человеку дать понять, что он кому-то нужен, и что его считают пустыне не абсолютным членом организации... Чтобы он знал, что эти люди в каких-то случаях не могут без него обойтись. И ему это нравится. Он себя не чувствует одиноким человеком. Он знает, что кому-то здесь нужен. А это хорошо... Нужен сам процесс примирения. Но не каждые люди к этому относятся с интересом. Вызывают его в эту комнату и начинают нести какую-то чушь. Вот, мы будем вести программу примирения... Человек теряется. Просто люди нормально объяснять не могут, что это ему даст и что от него хотят. Нужно не сразу путать, объяснить человеку, а показать, что к нему с душой... Я пришел в первый раз – испугался. Вот Д.А. (социальный работник – М.К.) начала: мы открылись, то-то то-то... Потом потихонечку началось. Потом она мне объяснила: тебе это может помочь. Объяснила результат этого, а это очень хорошо». Здесь респонденты отмечают два основных фактора, способствующих ресоциализации правонарушителя: понимание позиции жертвы и последствий правонарушения для нее, а также уважение, доверие человеку как способному справиться со своей проблемой, обладающему потенциалом развития.

Другие отмечают в качестве причин собственной ресоциализации повышение самоконтроля, контроля со стороны родителей, занятость в чем-то нужном и интересном, неприятный опыт взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов и суда, ограничение альтернатив профессионального становления: «Почему человек совершает преступление? Потому что у него много свободного времени. Тут простая схема. Если бы он чем-то занимался (той же работой, тем же грузчиком), у него не было бы свободного времени. И это само собой... Сначала нужно войти в эту жизнь: погулять с девчонками и куда-нибудь сходить, на ту же дискотеку, в то же кино. А если бы он чем-то занимался, то, конечно, он, скорей всего, этим криминалом заниматься не будет. По себе знаю», «Это не способ заработать. И можно без этого обойтись. То, что эти преступления и правонарушения надо избегать. Почему? Потому что они портят жизнь, также приносят моральный ущерб, как мне, так и тому парню (о жертве – М.К.). В, третьих, после вот этих случаев следуют столкновения с правоохранительными органами. А это опять же доходит до суда, и ветки жизненные, которые ведут к выбору работы... Если человек судим, что-то куда-то он уже не может пойти. Следовательно, это также вредит. То есть эту цепочку надо оборвать, не пресекая вот этот закон», «Да, было не очень приятно (ужесточение родительского контроля – М.К.). Но ты уже понимаешь теперь, зачем они все это делали, все контролировали. Потому что не хотят и повтора таких происшествий, потому что после таких вот случаев у людей начинается такой вот период, когда они: то ли опять им это сделать, то ли еще что-то нужно сделать. И, поэтому они как бы вот эти рамки поставили, чтобы этот период и прошел в строгом контроле, чтобы ничего не случилось. Вот в этом и заключалось ихнее изменение отношения ко мне. Ну, а дальше все уже вошло в норму».

Об условиях, в которых может произойти ресоциализация, респонденты говорят следующее: «Показать, что страдают люди», «Тут, скажу откровенно, к тебе относятся по-человечески.. А тут такие же люди сидят, как и я. Они понимают, что я – человек, и нужно ко мне по-человечески относиться», «Тут с тобой советуются. Советуются, приглашают сами. Не вынуждают. Если тебе это надо, тебе интересно, сюда придешь. Тут никто не настаивает», «Слушали мое мнение. А сейчас у людей это дефицит. Чтобы выслушать твоё мнение. Есть же свое мнение. Это накапливается. И кому-то это надо высказывать. Обязательно. Потому что это очень действует на нервную систему», «Ну, конечно, принуждать не надо, ни в коем случае. А, вообще, надо постараться их посадить как-то за эти стулья, чтобы они пообщались, чтобы прошла эта процедура, которая проходила с нами». То есть, отмечают необходимость понимания жертвы, человечного отношения, активной, ответственной позиции правонарушителя (делегирование ответственности), выслушивания. О ведущем говорят: «Ему, во-первых, должно нравиться это дело. Иначе нет смысла эти программы делать, создавать. И он должен психологом быть, понимать, что кому от этой программы нужно, кому чего где на душе неспокойно. И он должен вот это вот заметить, это расстройство, и на вот этой программе как-то об этом напомнить, чтобы об этой теме поговорили обвиняемый и пострадавший».

Интерпретация результатов и выводы

В беседе с жертвой в интервью мы обнаруживаем всего две причины участия: собственное эмоциональное восстановление и восстановление нарушенных после события правонарушения отношений с социальным окружением, включая прошлые отношения с правонарушителем.

В трех из пяти интервью отмечается удовлетворенность результатом программы, его соответствие ожиданиям. Причем все респонденты, исцелившиеся от последствий правонарушения, связывают подобный результат с участием в программе.

Похожие данные мы получили по справедливости и удовлетворенности процессом программы. С нашей точки зрения, это близкие и взаимосвязанные в реальности явления. Удовлетворенность процессом ведет к удовлетворенности результатом, соответствующим ожиданиям от программы, и к чувству справедливости достигнутого. Причем удовлетворенность процессом программы связывается жертвами со следующими условиями: 1) прошло немного времени после инцидента; 2) эмоции проработаны, «выплеснуты» (необходимо это сделать на предварительной встрече, тогда переживания жертвы могут быть доступно вербализированы и поняты правонарушителем; эмоциональность, необходимая для эмпатии

ческого понимания чувств жертвы правонарушителем, сохранится в любом случае в виде следов переживаний); 3) ведущий должен быть нейтральным, лидером.

Помимо этого, можно предположить, что, если даже программа и не помогает в некоторых случаях, то и не вредит самоуважению, самооценке, самоотношению жертвы. Только в одном интервью респондент отметил, заявляя о сохранности собственного представления о себе (отношение к себе «изменилось после ситуации, после программы – не изменилось»): «После программы может быть хуже. Пострадавшие могут жалеть, что подписали договор». Значит, надо понимать, что некоторые решения жертва принимает под давлением (родителей, правонарушителей), и это не приносит ей столь желаемого психологического исцеления, а может и усугубить ее переживания. А также для исцеления жертвы необходима тщательная предварительная (до встречи с правонарушителем) психологическая работа с ней, с ее чувствами и переживаниями, связанными с правонарушением.

Судя по результатам контент-анализа текстов интервью, первоначальное представление о правонарушителе как конкретном человеке, личности отсутствует. Для жертвы правонарушитель становится элементом травмирующей ситуации, о которой хочется забыть и никогда не вспоминать. Он выступает как абстрактный символ неприятного переживания. Жертва почти ничего не говорит о своем отношении к правонарушителю на предварительной встрече, хотя, после разговора с социальным работником, ведущим, в котором отмечается, что правонарушение является ситуацией конфликта между двумя сторонами, а не одностороннее действие, и этот конфликт можно попытаться разрешить, она сообщает о желании помочь в его реабилитации. Это начальный пункт развития взаимоотношений между правонарушителем и жертвой. Основной процесс изменения взаимных установок и «очеловечивания» другой стороны конфликта происходит на заключительной встрече программы, в которой участвуют обе стороны, их законные представители (при необходимости) и ведущие.

Отметим, судя по интервью с жертвами, отношение к правонарушителю либо сохраняется прежним (2 респондента), либо изменяется к лучшему (3 респондента). А отчеты ведущих, в свою очередь, свидетельствуют о налаживании отношений между ними.

Рассмотрим предполагаемый нами механизм изменения представления жертвы о правонарушителе.

Встреча на программе восстановительного правосудия – это первая ситуация (в большинстве случаев), в которой жертва и правонарушитель могут поговорить о произошедшем, увидеть, что другой – тоже человек и, что приложении некоторых усилий возможно достижение взаимопонимания. Это первая ситуация, в которой обе стороны могут отойти от своей эгоцентричной позиции и посмотреть на сложившуюся ситуацию с точки зрения противоположной стороны конфликта. А также встреча позволяет жертве увидеть причины произошедшего и понять для себя свою роль в этой ситуации. В результате, на встрече каждый включает другого в свое представление о ситуации правонарушения. Здесь снимаются последствия быстрой категоризации (при которой выводы о человеке делаются на основе недостаточной информации), стигматизации, так как информация, полученная в экстремальных условиях, дополняется новой, более точно отражающей действительное положение дел. За счет этого же смягчается фундаментальная ошибка атрибуции (причина произошедшего в представлении жертвы становится более комплексной; а не приписывается личности, что происходит при этой ошибке) и усложняется само представление о правонарушении.

Помимо этого, заявив на предварительной встрече о желании помочь в реабилитации правонарушителя, жертва начинает себя вести в соответствии с этой новой ролью (естественно, уже после того, как отработаны переживания). Это мы можем увидеть в отчетах ведущих. И, тогда вполне вероятно появление «эффекта сиделки», который состоит в том, что к людям, по отношению к которым мы проявили заботу, оказали помощь, мы начинаем относиться лучше, чем относились до оказания помощи. То есть, помогая правонарушителю в его ресоциализации, жертва начинает менять представление о нем в лучшую сторону. Более того, взяв за основу теорию самовосприятия Бема, в которой человек решает, как он относится к объекту, отслеживая собственное обращение с этим объектом, мы можем сказать, что жертва, проявляя в поведении хорошее отношение к правонарушителю, и на самом деле начинает к нему испытывать теплые чувства.

С нашей точки зрения, установки жертвы по отношению к правонарушителю изменить легче, чем установки правонарушителя по отношению к жертве, так как у жертвы зачастую отсутствует внешняя причина, оправдывающая участие в программе (например, стремление возместить материальный ущерб), у правонарушителя же важным мотивом всегда является смягчение наказания. Соответственно, жертва, стремящаяся компенсировать материальный ущерб, или правонарушитель, поставивший целью получить ходатайство о закрытии дела, будут иметь серьезное оправдание для участия во встречах. И никакого противоречия в их представлениях не будет. Другие же, не имея подобного оправдания, ищут и находят причины участия в себе: в желании измениться самому и изменить другого, что и происходит в дальнейшем в действительности. Таким образом преодолевается несоответствие между согласием на участие и нежеланием участвовать в неприятной программе.

Помимо этого, стоит отметить, что работа с жертвой, которая осуществляется для ее реабилитации, как до заключительной встречи, так и после (о чем свидетельствует тот факт, что в отчетах нет никаких упоминаний о дальнейших реабилитационных мероприятиях, проводимых после окончания программы) не является достаточной для достижения этой цели. С правонарушителем работа осуществляется более тщательно.

Теперь более подробно остановимся на результатах, полученных в выборке правонарушителей.

Причины участия несовершеннолетнего правонарушителя в программе: желание помочь жертве, желание получить прощение, вернуть жертве все, что было утрачено ею в результате правонарушения, а также смягчение наказания, эмоциональное восстановление и восстановление нарушенных отношений. И объяснить это можно тем же желанием выглядеть «хорошим», тем более, что многое из перечисленного становится средством смягчения наказания. Это может быть связано как со стремлением показать, что он «исправился» и думает прежде всего о жертве, так и с действительной интроверсией подобного мнения в результате программы (опять же можно применить теорию Бема: показывает исправление и действительно исправляется).

Об изменении отношения к жертве в сторону улучшения говорят 4 респондента, оставшиеся 3 полагают, что их отношение к жертве не изменилось. Изменения они связывают с тем, что узнали жертву как человека, поняли последствия

происшествия для него, увидели себя и его в чем-то равными. Действительно, здесь так же, как и в случае с жертвой, существует механизм социального восприятия: снижение эффекта фундаментальной ошибки атрибуции (переход от приписывания жертве какой-то части вины за происшедшее к пониманию собственной роли в ситуации), переход от внешнего или внутреннего неконтролируемого локуса ответственности к внутреннему контролируемому. Затронув тему ответственности, мы не можем не сказать о развитии вины и ответственности у правонарушителей. Они сами отмечают и мы можем увидеть в отчетах ведущих, что первое ощущение вины, больше похожее на сожаление, появляется после их задержания сотрудниками правоохранительных органов. Здесь правонарушители сожалеют о совершенном, полагая, что создали для себя лишние проблемы и теперь пожинают столь неприятные плоды (моральный ущерб, получаемый в результате насилия и неприятного, стигматизирующего отношения в милиции, в суде, о котором они говорят), и жертва рассматривается на этом этапе как тот человек, который стал поводом для их задержания. Здесь злость на себя смешивается со злостью на жертву. На предварительных встречах им дают осознать последствия правонарушения для жертвы, образ жертвы становится более конкретным. На встречах с жертвой они видят реальную личность, которая эмоционально сообщает им о своей травме. Именно на этой заключительной встрече появляется жалость по отношению к жертве, а также возможность преодоления эгоцентризма, умение встать на позицию другого и с этой позиции оценить случившееся. В этом случае в качестве объяснительного конструкта мы видим механизм категоризации: быстрая категоризация после ситуации правонарушения в условиях недостаточной информации; категоризация в процессе программы восстановительного правосудия и после нее. Здесь появляется ответственность перед другим человеком за совершенную в его отношении несправедливость. Причем справедливость респонденты рассматривают как «баланс вклада и дохода» по Д. Майерсу, где каждый получает то, что заслужил. Результат считают справедливым 5 из 7 респондентов. Этот показатель полностью совпадает с показателем удовлетворенности результатом и процессом, что свидетельствует, по-нашему мнению, о взаимосвязанности этих параметров.

Ответственное поведение есть результат предшествующего развития ответственности. Оно проявляется в конкретных действиях по устранению последствий правонарушения как для себя, так для жертвы, родственников и друзей. Это осознанное, направленное на достижение удовлетворительной ситуации для всех участников события поведение, связанное с пониманием собственной виновности в формировании сложившейся ситуации.

С ответственностью связана и ресоциализация, которая проявляется в поведении как отсутствие рецидивов. Все респонденты сообщили, что после завершения программы противоправных поступков они не совершали. 4 правонарушителя видят причину отсутствия рецидивов в особенностях программы. Среди них только один правонарушитель считает программу единственной причиной отсутствия рецидивов. На программе они почувствовали, что страдает реальный человек, а также обнаружили со стороны окружающих по отношению к себе уважение и доверие, что привело, с их точки зрения, к осознанию вины и ответственности. Другие причины ресоциализации рассматривают 6 респондентов. Трое из них приписывают результат и программе. Они считают, что предотвращению совершения правонарушения способствовали: повышение самоконтроля; ужесточение контроля со стороны родителей; занятость; очень неприятный опыт взаимодействия с сотрудниками правоохранительных органов, который нет желания повторять; понимание того, что подобное поведение может ограничить их в выборе профессии. После завершения программы с несовершеннолетними правонарушителями проводятся дополнительные мероприятия по их реабилитации. В итоге, получается, что на практике внимание ведущих и социального работника сосредоточено на правонарушителе, хотя методологическая основа восстановительного подхода предусматривает перенесение центра тяжести на жертву, на ее проблемы. Это понятно с точки зрения общества: снижение преступности за счет подавления ее ростков в самом начале развития и формирования нового направления развития. Но, так как восстановительный подход рассматривает в качестве своей основной задачи исцеление жертвы, то необходимы специальные мероприятия по преодолению травмы, дополнительные к тем, что осуществляются в программе. Это будет полезно и с точки зрения борьбы с преступностью. Ведь жертва с хорошо проработанными переживаниями после правонарушения – столь необходимый для ресоциализации правонарушителя «воспитатель». А жертва с вторичной виктимизацией может усугубить негативное к себе отношение со стороны правонарушителя и, тем самым, облегчить его криминальную социализацию. Помимо этого, необходима и более глубокая работа с правонарушителем, так как настоящее раскаяние и принятие на себя ответственности достигается в программе довольно редко. Правонарушитель демонстрирует формальные действия, отражающие предполагаемую реабилитацию, связывая последнюю, прежде всего, с облегчением собственной жизни, практически не осознавая глубину последствий совершенного им для жертвы, и, соответственно, не принимая на себя полноценной ответственности. То есть правонарушитель в результате программы становится ответственным за себя, но не за правонарушение, не за изменения в жертве. А психологическое исцеление жертвы возможно при благоприятной психологической ситуации, необходимым компонентом которой является раскаяние и ответственность правонарушителя. Значит, как мы видим, реабилитация жертвы и правонарушителя – взаимосвязанные, взаимовлияющие процессы. И для достижения цели реабилитации обоих участников восстановительного процесса необходима тщательная проработка их проблем на предварительных встречах.